

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ И В МИРЕ

Н.С. РОЗОВ

Социально-политические кризисы и революции: теоретический анализ*

Наряду с пусковыми событиями (триггерами) и долговременными структурными факторами выделен промежуточный слой причин кризисов. Он включает вызовы правителям, элитам и их ответы, которые, в случае их неадекватности, усугубляют кризис и приводят к революционной ситуации. Показано, какие типовые факторы ведут к революционной ситуации и как они влияют друг на друга. Революционная ситуация включает пять основных признаков: падение лояльности аппарата принуждения, явный раскол элит, делегитимация власти, наличие привлекательной политической альтернативы и “горючий материал” – критическая масса людей, готовых к открытому протесту, чреватому репрессиями. На основе расширения функциональной схемы А. Стинчкомба проанализированы такие феномены, как: влияние экономического роста на социальную нестабильность, неадекватность ответов режима при обострении конфликта.

Ключевые слова: социальная революция, социально-политический кризис, назревание кризисов, революционная ситуация, пусковые события, структурные причины революций, вызовы и ответы, раскол элит, делегитимация власти.

Обычно выделяют только два слоя причин революций: глубокие структурные причины и причины-поводы [Голдстоун 2015]. Значимость обоих слоев не вызывает сомнений. Покажу необходимость выделения еще одного – промежуточного слоя.

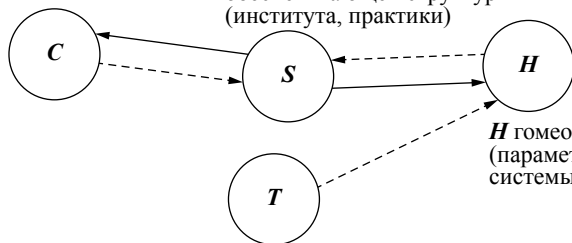
Будем считать первым слоем *триггерные события*, непосредственно вызывающие революцию. Революции происходят в уже “больных” обществах, переживающих социально-политический кризис, пусть и не всегда в явной, открытой форме. Сам же кризис не возникает только потому, что накопились какие-то объективные причины (факторы, угрозы, дисбалансы, ущерб).

Для предреволюционного кризисного периода характерны неадекватные действия правящей группы, правительства и/или ассоциируемых с ними элит, а также

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 16–03–00318 “Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ”).

C издержки, к которым приводит активность структуры S (затраты, ущерб, угрозы)

S интенсивность действия, обеспечивающей структуры (института, практики)

H гомеостатическая переменная (параметр, жизненно важный для системы, предмет постоянной заботы)

T напряжение, угнетающее H (любой вред для предмета заботы)

Рис. 1. Модель функциональной причинности по Стинчкомбу. Здесь и далее сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую) связь, а пунктирные — отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь.

реакции на них. Иными словами, происходит *серия вызовов и провальных ответов* государственной системы и влиятельных групп. При этом широкие массы населения и часть элиты воспринимают эти действия со все большим отчуждением. *Вызов* — такое снижение (обрушение) уровня комфорта влиятельных групп, прежде всего правителей и административной элиты, которое требует от них ответа — действий, стратегий, практик, отличающихся от привычных, стандартных реакций на проблемы и затруднения. Этот второй слой причин-взаимодействий имеет важнейшее концептуальное значение медиатора, поскольку связывает крупные объективные сдвиги с триггерными событиями.

Наконец, третий слой — *структурные причины* — уже относится к сфере базовых факторов исторической динамики. Это объективные сдвиги в работе сложившихся институтов, политических, экономических, образовательных, семейных практик во взаимодействии с природным окружением, в демографических и миграционных трендах, ресурсные дисбалансы, смещения могущества в международной системе и проч.

События и взаимодействия (первые два слоя) привычно описывать через представление ситуаций и поведение акторов, а третий — через численные показатели, их временные тренды. На уровне онтологии взаимодействие акторов относится к сущностям и отношениям, а показатели выступают численными выражениями качеств. Однако качества всегда принадлежат неким целостностям как системам сущностей, связанных отношениями. Поэтому следует представлять и сопоставлять между собой модели двух основных типов: *акторные* (с расстановкой и взаимодействиями политических сил, других значимых субъектов с ресурсами, включенностью в институты, обмены, сети и дискурсы) и *факторные* (с переменными, соединенными положительными и отрицательными связями). Далее анализ идет преимущественно на языке факторных моделей (взаимовлияние качеств), но с постоянными отсылками к отношениям и взаимодействиям акторов.

Модели обоих типов относятся к разным социальным и временным масштабам: от *ультрамикро*- (ситуации здесь-и-сейчас) в первом слое причинности до уровней *макро*- и *мега*- (общество, международные отношения в течение нескольких лет и десятилетий) в третьем слое. Попробуем на самом общем теоретическом уровне представить, каким образом объективные *структурные причины* третьего слоя преобразуются в *кризисную динамику вызовов и провальных ответов* второго слоя. В результате это выливается в крайне напряженное и неустойчивое состояние — *революционную ситуацию*, когда одно случайное событие (триггер) способно запустить *каскад событий*, угрожающих распадом режима и даже всей государственности.

Рутинные, повторяющиеся процессы, обеспечивающие стабильность, здесь не считаются изменениями. Совокупность таких процессов составляет режим [Spier 1996], стержень которого — функционирование: поддержание предметов заботы на должном уровне посредством практик, всегда включенных в структуры социального взаимодействия (институты). Эвристичной факторной моделью анализа режимов служит функциональная схема Стинчкомба (см. рис. 1), действие которой описано в работах [Stinchcombe 1987, p. 136; Позов 2017].

Структурные причины — накопление дисбалансов

Устойчивость режимов обеспечивается постоянством условий и практик. Накопление структурных причин — кризисогенных факторов — означает в рамках той же модели рост напряжений T , угнетающих значимые гомеостатические переменные H как предметы заботы. Зачастую эти напряжения вызываются дисбалансами. Дж. Голдстоун приводит перечень основных структурных причин революций, которые проинтерпретируем в терминах напряжений и дисбалансов [Голдстоун 2015, с. 38–42]:

- *демографические сдвиги, прежде всего перепроизводство элит и “молодежный бум”*; достойные места для представителей элиты и численность новых поколений элиты, рабочие места для городской молодежи и численность молодых горожан во втором поколении как результат деревенских практик воспроизводства при резком сокращении младенческой смертности; здесь налицо дисбалансы, ведущие к напряжениям, — к падению лояльности режиму и власти, к росту популярности политических альтернатив;

- *изменения в структуре международных отношений, войны, экономическая конкуренция; неравномерное или зависимое экономическое развитие*; войны, особенно тяжелые, затяжные, с досадными поражениями, всегда ведут к множеству напряжений, прежде всего к делегитимации правителей, возмущению жертвами, падению благосостояния, жесткой фискальной политике, ухудшению внешней рыночной конъюнктуры (падению цен на основной экспорт); все это обнажает растущее социальное неравенство, вызывает возмущение несправедливостью порядков, ведет к падению популярной и авторитетной легитимности власти и режима;

- *практики вытеснения или дискриминации социальных групп*, которые они (и не только они) считают возмутительными и нетерпимыми; здесь сами напряжения очевидны, поэтому внимания требуют причины такой дискриминации; бывают противоречия между традиционными практиками и новыми идеями, нормами равенства, прав и свобод (таковой была борьба с расовой сегрегацией в США 1950-х гг.) или же возмущение новыми практиками дискриминации по этническому, конфессиональному, классовому, образовательному признакам, принятыми правящей группой, бюрократией из религиозных, идеологических, ксенофобских, фискальных мотивов;

- *эволюция персоналистских режимов, сужение поддержки до группы приближенных, “дилемма диктатора”*, когда для усиления военной мощи диктатору и правящей группе приходится развивать инженерию, образование, и появляется образованный класс — потенциально протестный социальный слой; общая черта этого блока причин — отчуждение существенной части административной, экономической и интеллектуальной элиты от власти, делегитимация правящей группы и режима; сама же “дилемма диктатора” — яркий пример того, как напряжение вызывается непредвиденными издержками от активности обеспечивающей структуры S , то есть систем образования, инженерии, науки — всего, что призвано усиливать гомеостатическую переменную H , являющуюся важнейшим предметом властной заботы.

Вообще говоря, все кризисы можно описать через критическое падение значений гомеостатических переменных H , когда имеющиеся обеспечивающие структуры S_1 уже не способны их поддерживать. Кризисы разрешаются через появление новых обеспечивающих структур (институтов и практик) S_2 , а при наиболее глубоких

трансформациях происходит также обновление основных гомеостатических переменных *H*, типов напряжений *T* и издержек *C*. Замечу, что гомеостатические переменные могут пересекаться с макропоказателями (например, темпом экономического роста или ВВП на душу населения), но составы их различны. При этом они принадлежат одной онтологии, одному языку и вполне могут быть сопоставлены.

Главными же звеньями схемы, соединяющими численные показатели (*structure*) с поведением акторов (*agency*), служат остальные ее элементы: обеспечивающие структуры *S*, издержки *C* и напряжения *T*. Практики и стратегии, направленные на сотрудничество, обмены и конкуренцию по правилам (без подавления соперников), обычно реализуют обеспечивающие структуры *S*, то есть институты и практики (о применении той же схемы для анализа расцветов и распадов обществ, циклических механизмов в политике и экономике см. [Розов 2016; Розов 2017]).

Издержки *C* следует понимать шире, чем финансовые потери от участия в структурах *S*. Недовольство, дискомфорт, угрозы, тревоги, связанные с этим участием, также увеличивают издержки, а могут приводить и к росту напряжений *T*. К конфликтам и социально-политическим кризисам приводят чрезмерно большие издержки *C*, напряжения *T* и непереносимое падение для значимых социальных групп гомеостатических переменных *H* (таких переменных, как достоинство, легитимность, доступ к ресурсам, послушность силового аппарата, внешняя безопасность, сохранность собственности и проч.).

Модели назревания кризиса включают известные закономерности изменения, в том числе достижения критических значений макропоказателей (младенческая смертность, “молодежный бугор”, социальное неравенство и/или относительное обнищание, уровень безработицы в столице и крупных городах, перепроизводство элит, фракционизм как взаимное отчуждение политических сил, “плохое соседство”, опасность на границах — геополитическое напряжение и др. [Goldstone, Bates, Epstein, Gurr, Lustik, Marshall, Ulfelder, Woodward 2010]). Однако кризис отнюдь не всегда начинается при достижении такого рода показателями пороговых значений. Парадоксальным образом напряжения, ведущие к кризисам и революциям, нередко связаны с ростом и развитием в экономике, демографии, социальной и культурной сферах¹. Почему?

Любой рост ведет к изменению условий и издержек *C*, к увеличению напряжений *T*, в том числе таких, при которых прежние обеспечивающие структуры (институты и практики) *S* уже не способны поддерживать на должном уровне гомеостатические переменные *H*: от благополучия и здорового потомства в семье до сохранения мира и стабильности международной системы государств².

Накопление такого рода дисбалансов и соответствующего дискомфорта для лидеров и влиятельных групп может происходить в любом социальном масштабе, причем напряжения и сбои в разных масштабах обычно усиливают друг друга, а при образовании между ними положительных обратных связей возникают кризисы вплоть до череды революций и мировых войн. Единый контур положительных связей порождает общие тренды расцветов (мегатенденция “Лифт”) и упадков (мегатенденция “Коллодец”). Условия действия такого рода контуров на подъем или на спад, а также природа известного паттерна “медленное накопление и быстрый крах” проанализированы в [Розов 2017].

¹ По каким-то непонятным причинам Б. Миронов противопоставляет кризис экономическому росту и модернизации: “Революции начала XX века произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х годов вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество не справилось с процессом модернизации” [Миронов 2012, с. 236]. Кризисное состояние (без которого революция невозможна) как раз и наступило вследствие побочных процессов роста и модернизации. А не справилось с этим вовсе не “общество”, а самодержавное государство, которое Миронов упорно пытается в своих работах защищать.

² Связь модернизации и экономического роста с возникновением дисбалансов, конфликтов, социальной нестабильностью и революциями давно известна. Об этом писали еще классики теории революций Дж. Дэвис и К. Бринтон (см. также [Миронов 2012]).

Голдстоун представляет весьма широкое разнообразие причин возникновения революций, которое обобщает таким образом: “Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, — отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, — и тогда произойдет революция” [Голдстоун 2015, с. 35].

Сходный, но отличающийся вариант условий революционной ситуации представил С. Цирель:

1. Делегитимация власти, под которой понимается “потеря веры не только в существующую власть, но и в возможность законным путем улучшить ситуацию”. Особо велика опасность делегитимации у имитационных демократий, в которых потеря популярности правительства почти тождественна осознанию ранее молчащим большинством фиктивности демократических процедур.

2. Слабость правительства, включающая как реальную слабость (отсутствие финансовых возможностей, слабый контроль над армией, полицией и другими силовыми ведомствами), так и раскол внутри власти и отсутствие решимости пойти на жесткие меры.

3. Наличие альтернативной идеологии или, по меньшей мере, представлений о существовании альтернатив(ы) существующему режиму.

4. Наличие “горючего материала” — людей, готовых “выйти на площадь” и принять участие в революционных действиях, рискуя собой. Горючим материалом особо высокого качества является образованная молодежь, которая одновременно играет роли и идеологов, и солдат революции [Цирель 2012, с. 179—182].

Обе версии содержательны и во многом пересекаются. В пояснениях к каждому пункту (признаку) не всегда понятно: имеются ли в виду его составляющие или причины. Для прояснения этих моментов используем следующую графическую модель (см. рис. 2). В правом столбце (с заштрихованными блоками) указан набор признаков революционной ситуации как результат синтеза и коррекции версий Голдстоуна и Циреля. Добавлен признак “Падение лояльности аппарата” *принуждения* (при высокой лояльности протесты подавляются). “Раскол элит” должен быть именно явным: недостаточно глухого, молчаливого отчуждения части элиты, важно, чтобы некая критическая масса представителей политического, экономического, медийного истеблишмента открыто встали в оппозицию к правящей группе.

Наличие “горючего материала” должно быть дополнено моральной и политической поддержкой, идейным и организационным руководством, ресурсами контрэлиты. Обычно аморфное и конформное большинство населения, даже будучи недовольным властью и режимом, решается поддержать протест, только когда видит в нем силу и перспективу, о которой и свидетельствует союз контрэлиты с протестующими. Без такого фактора восставшие остаются в изоляции, будут физически подавлены или, как минимум, деморализованы.

“Слабость правительства” (пресловутое “верхи не могут”), “широкое возмущение несправедливостью” и внешние благоприятные обстоятельства отнесены к причинам, а не признакам революционной ситуации. В некоторых случаях при их наличии режим может выстоять. Остальные факторы, как видим на схеме, относятся к следующим слоям причинности и, судя по всему, уже вызываются структурными причинами, прежде всего социально-экономического и демографического характера.

Ядро акторной модели составляют пять главных субъектов, способных к политическим действиям: 1) *правящая группа* (правители, лидеры и уполномоченные представители режима); 2) *потенциальная контрэлита* (недовольные, ущемляемые,

Рис. 2. Действие факторов во втором (промежуточном) слое причинности — переход от стадии назревания кризиса к революционной ситуации, то есть к неустойчивому равновесию, чреватому социальным взрывом.

оскорбленные группы экономической, культурной, религиозной, административной, политической, медийной элиты); 3) *аппарат принуждения*, прежде всего высшие чины и офицеры силовых структур; 4) *низовые протестные группы*, их лидеры и организации; 5) *внешние акторы*, способные на вызов — угрозу или ущерб для кого-то из четырех внутренних акторов.

Каждый актор обладает следующими характеристиками: а) *ресурсами* (административными, финансовыми, силовыми, социальными, символическими) и *возможностями доступа* к ресурсам; б) *актуальными и латентными установкам* (фреймы, символы, отношения, идентичности, а также поведенческие стереотипы, включающие “меню ответных стратегий” как реакций на типовые вызовы).

Действия акторов определяются их ранее обретенными установками [Розов 2011, гл. 3]. Успех действий в конфликте прямо зависит от силы и ресурсов коалиции в сравнении с противником. Каждое действие, затрагивающее других акторов, для них — вызов, на который следует ответ действиями, соответственно имеющимся установкам и имеющемуся арсеналу ответов. Также вызовы, успех и провал действий влекут за собой трансформирующие ритуалы, меняющие установки участников.

Наиболее общая модель преобразования структурных причин в кризисную динамику вызовов и провальных ответов состоит в следующем. Правящая группа реагирует на вызовы привычным образом, но при изменившихся условиях этот ответ становится провальным, никак не исправляет ситуацию, ведет к раздражению потенциальной контрэллиты, низовых протестных групп, вызывает недоумение, недоверие со стороны силовых структур. Таким провальным ответом может быть акт репрессии, несвоевременная попытка политической или налоговой реформы, созыв представителей с мест с последующим их разочарованием, раздражающий общество поворот во внешней политике.

Почему дальнейший обмен ходами, последовательность вызовов и ответов увеличивает напряженность, делегитимирует власть и режим, приближает к революционной ситуации? Здесь следует учитывать, по крайней мере, четыре аспекта: 1) накопившиеся объективные неблагоприятные для устойчивости режима условия; 2) появление полноценной политической альтернативы; 3) неудачные действия власти, провалы; 4) их негативная общественная оценка.

Неблагоприятные условия — от бюджетного дефицита, геополитической напряженности до инфляции и “молодежного бугра” в столице и крупных городах — следствие накопления структурных причин и побочные результаты действия сложившихся режимов и практик [О причинах... 2010].

Полноценная политическая альтернатива включает идеи (лозунги), организацию и лидера, их персонифицирующего. Вначале может появиться или же проявиться как значимый и популярный только один из этих компонентов, который затем дополняется остальными. Так, в первые дни Февральской революции 1917 г. уличные протесты, действия восставших происходили в столице при отсутствии явных лидеров [Катков 1997; Нефедов 2005]. Кубинскую революцию братья Кастро, Че Гевара начинали с партизанской войны, еще не имея широкой известности и массовой поддержки.

Необходимое условие для появления политической альтернативы — рост общественного разочарования в правителе и действиях власти. Любая власть в государстве играет роль *охватывающего обеспечивающего сообщества*, дающего гражданам безопасность, достоинство, благосостояние и положение в иерархии. Справедливость и эффективность — два главных параметра власти, на которые справедливо указывает Голдстоун, — как раз служат мерилем того, как власть справляется с этой ролью. Жестокие неоправданные репрессии, унижение, чрезмерные поборы, закрытие социальных лифтов для амбициозной молодежи, разорение, обнищание, голод среди низших классов — все это показывает: на власть уже нельзя надеяться. На месте обеспечивающего сообщества появляется вакуум.

Автоматически такая ситуация еще не ведет к появлению альтернативы. Люди, не привыкшие слишком рассчитывать на власть (как в России, во многих африканских и латиноамериканских странах), имеют обычно свои локальные обеспечивающие сообщества: семьи, круги близких друзей, соседей, приходы, землячества. Однако эти сообщества сами испытывают давление, в их внутренних ритуальных взаимодействиях возбуждаются чувства разочарования, отчуждения, раздражения в отношении к власти, политическому порядку и персонифицирующему их правителю.

Для появления политической альтернативы требуется также *заявка на лидерство*. Она исходит от людей любого социального слоя, но обладающих определенными качествами: 1) наличием объяснения бедствий отсутствием у правителя, власти, режима каких-то достоинств (от религиозного благочестия до демократичности); 2) полным недоверием к тому, что власть сама изменится и проведет требуемые реформы; 3) отсутствием надежд, перспектив продвинуться в существующей политической системе; 4) способностью доносить свои идеи до широкой публики, формировать вокруг себя дееспособную организацию (либо приспособливать уже существующую для новых целей).

Механизмы и закономерности протестного лидерства еще ждут систематических сравнительных исследований, но некоторые моменты не вызывают сомнений. Никогда не появляется единственный претендент, и никому не удастся достичь настоящего лидерства без помощников и организации. Значит, ключевое условие успеха — признание верховенства лидера ранее соперничавшими претендентами, а также функционерами организаций. Такие решения означают, что перспектива быть в свите лидера оказывается более реальной и привлекательной для политического успеха, чем состязание с ним на одном протестном поле. Разумеется, здесь играют роль личная харизма потенциального лидера, его умение договариваться, вызывать доверие, убеждать, но главным фактором представляется демонстрация лидером своей политической

силы, популярности, способности привлекать ресурсы, добиваться успеха в трудных ситуациях.

Большой загадкой остается известный феномен провальных решений и действий правящей группы в кризисный период. Так бывает не всегда, многие кризисы преодолеваются репрессиями, уступками, реформами или сочетанием таких действий; так были подавлены или замирены протесты Арабской весны в Алжире, Марокко, Саудовской Аравии, “болотные” протесты в России 2011–2012 гг., движения “Оккупай” в США и Великобритании, протесты в Таиланде. В других же случаях, особенно в преддверии революций, власть начинает совершать ошибку за ошибкой. Предположительно здесь совместно действуют, как минимум, три фактора.

Во-первых, имеет место известный феномен “разложения” правящей верхушки: долгое нахождение у власти, лезть приспешников, искажение картины мира, негативная селекция в административном аппарате, слишком благодушная или, наоборот, истеричная реакция на возникшие напряжения и угрозы — все это способно существенно снизить качество решений. Во-вторых, сами решения обретают плоть только при их выполнении на нижних этажах административной иерархии. Если же к этому времени снизилась легитимность правителя, возросло общественное отчуждение по отношению к власти, то оно затрагивает также средние и нижние слои управленческой пирамиды. Поступающие сверху решения либо игнорируются, либо их выполнение затягивается, либо они карикатурно извращаются так, что приводят к обратному результату.

Наконец, в-третьих, качество решений и действий власти всегда получает оценку под влиянием господствующих в обществе настроений. Если власть начинают презирать и ненавидеть, то позитивные моменты в ее действиях, скорее, будут игнорировать, а любые недочеты и проколы — выпячивать, раздувать, высмеивать, представлять как лишние подтверждения неумения управлять и/или свидетельства подлых, коварных умыслов. Особую роль в такой интерпретации играют СМИ, поскольку ничто так не добавляет популярности журналистам и изданиям, как критика ставшего непопулярным правительства.

Для полноты комплекта революционной ситуации недостает еще трех компонентов: раскола элит, падения лояльности силовых структур и “горючего материала” — большого числа людей, готовых открыто выступить против власти (см. рис. 2). Поведенческие стратегии потенциальной контрэлиты, высших чинов и офицеров аппарата принуждения следует объяснять на вполне рациональных основаниях. Эти группы способны достаточно трезво оценивать перспективы безопасности и политического продвижения в вариантах явной поддержки власти, саботирования ее решений и “ухода на дно” или же открытого перехода на сторону протеста. На действия последнего типа решаются обычно те представители элиты, которые уже попали в опалу, унижены и оскорблены действующей властью, осознали полное отсутствие перспектив не только роста, но и сохранения своего положения при прежнем порядке. Офицеры высшего и среднего звена обычно выжидают до последнего и только при полной очевидности победы протеста переходят на его сторону.

Рациональные соображения есть и у недовольных масс. Они касаются прежде всего оценки опасности/безопасности участия в открытом протесте, оценки силы политической альтернативы (лидера и организации), соответствующих перспектив победы. Наряду с этими соображениями, в протестной среде всегда огромную роль играют групповые эмоции. Гнев, отчаяние, стремление быть с соратниками, разделить судьбу с близкими добавляют решимости радикальному поведению. Разумеется, для полноценного “горючего материала” должна быть социальная и демографическая основа, например избыток безработной городской молодежи.

Затруднительно найти такую революцию (тем более успешную, со свержением власти), которую не предваряла бы революционная ситуация с комплектом вышеуказанных признаков (см. рис. 2). Однако не каждая революционная ситуация непременно ведет к революции. Проблема состоит в том, что в таких случаях гораздо

труднее выяснить, достигли ли эти признаки критических значений: если победители с удовольствием бравировать своей ролью и приверженностью революционным идеям, то неудачники предпочитают помалкивать о своих неоправдавшихся чаяниях.

Тем не менее систематический теоретико-исторический анализ революционных ситуаций, приведших и не приведших к революциям, еще ждет своих исследователей. Только такой анализ позволит уточнить, как и где проходит грань значений признаков, а также при каких условиях и какие успешные действия власти позволяют смягчить ситуацию и избежать революции (см. метод теоретической истории в [Розов 2009, гл. 6]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голдстоун Дж. (2015) Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Катков Г. М. (1997) Февральская революция. М.: Русский путь.
- Миронов Б. Н. (2012) Русская революция 1917 г. в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? // Отечественные записки. № 1. С. 232–237.
- Нефедов С. Н. (2005) Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. № 10–11. С. 112–123.
- О причинах Русской революции (2010) М.: Издательство ЛКИ.
- Розов Н. С. (2016) Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме // Общественные науки и современность. № 4. С. 146–158.
- Розов Н. С. (2009) Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ.
- Розов Н. С. (2011) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.
- Розов Н. С. (2017) Механизмы циклов в политике и экономике: общность моделей // Общественные науки и современность. № 2. С. 119–131.
- Цирель С. В. (2012) Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Харьков. Вып. 8. С. 174–209.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik V., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. Vol. 54. No 1. Pp. 190–208.
- Spier F. (1996) The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam Univ. Press.
- Stinchcombe A. (1987) Constructing Social Theories. Chicago & London: Chicago Univ. Press.

Socio-political crises and revolutions: the theoretical analysis

*N. ROZOV**

***Rozov Nikolai** — doctor of sciences (Philosophy), leading researcher, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS, professor of Novosibirsk State University, Philosophy Department. Address: 2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: nrozov@gmail.com

Abstract

An intermediate layer of revolution causes is singled out, along with triggering events and long-term structural factors. This layer includes challenges to rulers, elites and their responses, which, being inadequate, exacerbate the crisis and lead to a revolutionary situation. Factors of definite types affect each other and lead to a revolutionary situation which includes five main features: the fall of the loyalty of the enforcement machinery, the apparent split of elites, the delegitimizing of power, the presence of an attractive political alternative, and “combustible material” as a critical mass of people ready for an open protest fraught with repression. On the basis of the expansion of the A. Stinchcombe/s functional

scheme the following phenomena are analyzed: the impact of economic growth on social instability, the long maturation of social tension and the rapid “explosion”, the inadequacy of regime’s responses in the aggravation of a conflict.

Keywords: social revolution, socio-political crisis, maturation of crises, revolutionary situation, launch events, structural causes of revolutions, challenges and answers, split of elites, delegitimizing of power.

REFERENCES

- Goldstone J. (2015) *Revolycii. Ochen kratkoe vvedenie* [Revolutions: A very short introduction]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik V., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 1, pp. 190–208.
- Katkov G. M. (1997) *Fevralskaya revolyuciya* [The February Revolution]. Moscow: Russkiy put'.
- Mironov B. N. (2012) Russkaya revolyuciya 1917 g. v usloviyah ekonomicheskogo chuda: po klassicheskomu scenariyu? [The Russian Revolution of 1917 in the conditions of an economic miracle: according to the classical scenario?] *Otechestvennye zapiski*, no. 1, pp. 232–237.
- Nefedov S. A. (2005) *Fevral 1917 goda: vlast, obschestvo, hleb i revolyuciya* [February 1917: power, society, bread and revolution]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 10–11, pp. 112–123.
- O prichinakh Russkoy revolyucii* (2010) [On the causes of the Russian revolution] Moscow: Izdatelstvo LKI.
- Rozov N. S. (2016) Dinamika rascvetov i raspadov obschestv: na puti k ohvativayushey paradigme [The dynamics of the blossoms and decays of societies: on the way to the embracing paradigm] *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 146–158.
- Rozov N. S. (2009) *Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metodi* [The historical macro-sociology: methodology and methods]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ.
- Rozov N. S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Track and pass: macrosociological foundations of Russia's strategies in the twenty-first century]. Moscow: ROSSPEN.
- Rozov N. S. (2017) *Mehanizmi ciklov v politike i ekonomike: obschnost modeley* [The Mechanisms of Cycles in Politics and Economics: the General Model]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 119–131.
- Spier F. (1996) *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam Univ. Press.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago & London: Univ. of Chicago Press.
- Tsirel S. V. (2012) *Revolucionnnye situacii, revolyucii i volni revolyuciy: usloviya, zakonomernosti, primeri* [Revolutionary situations, revolutions and waves of revolutions: conditions, regularities, examples]. *Oykumena*. Harkov, issue 8, pp. 174–209.